

Оригинальная статья

УДК 930

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.21-31>**К вопросу о правах Адмиралтейств-коллегии на лес
в частных владениях****М.А. Пронченко***pron4enko.masha2016@yandex.ru**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 119991, Россия***Аннотация**

В статье рассмотрен вопрос о правоотношениях между Адмиралтейств-коллегией и частными собственниками земли с заповедным лесом, а также о статусе таких территорий на примере из российской судебной практики времен Екатерины II (Е.К. Назимова против крестьян Троице-Свияжского монастыря). В начале конфликта приказчик Е.К. Назимовой обвинил монастырских крестьян в порубке заповедных деревьев и позднее – в том, что они оставляли в лесу непотушенный огонь. Служащие Казанского адмиралтейства зафиксировали факт порубки, но не запретили подозреваемым пользоваться лесными угодьями. При анализе документов на землю выяснилось, что в купчих не упоминается о государственной регалии на лес. Видимо, в адмиралтейство не сообщалось о смене владельца земли с заповедным лесом, что свидетельствует о пробелах в лесном законодательстве. Сделан вывод о том, что Казанское адмиралтейство мало интересовалось заповедным лесом на помещичьей земле. Она не имела особого статуса, и ведомство не планировало на нее претендовать.

Ключевые слова: корабельные леса, лесное законодательство, Казанское адмиралтейство, Екатерина II, Е.К. Назимова

Для цитирования: Пронченко М.А. К вопросу о правах Адмиралтейств-коллегии на лес в частных владениях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 21–31. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.21-31>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.21-31>

On the Admiralty Collegium's rights to forests on private lands

M.A. Pronchenko

Moscow State University, Moscow, Russia

pron4enko.masha2016@yandex.ru

Abstract

This article examines the legal relations between the Admiralty Collegium and private landowners of protected forests with shipbuilding timber, as well as the status of such territories, through a case in the Russian judicial practice during the reign of Catherine II (E.K. Nazimova v. the peasants of the Holy Trinity Monastery in Sviyazhsk). The dispute arose after E.K. Nazimova's steward accused the monastery's peasants of cutting down protected trees and leaving fire pits unattended. While the allegations were raised with the Kazan Admiralty, the peasants were not barred from entering the forest. A careful analysis of the land ownership documents reveals that the land sale contracts made no reference to any state claims over the forest, thus suggesting that the Kazan Admiralty had not been notified about the change in the land's ownership. This oversight extends to broader inconsistencies in the Russian forest legislation of that time. The study concludes that the Kazan Admiralty had little interest in shipbuilding timber on private lands: such territories lacked any special legal status, and the agency had no intention to assert jurisdiction over them.

Keywords: shipbuilding timber, forestry legislation, Kazan Admiralty, Catherine II, E.K. Nazimova

For citation: Pronchenko M.A. On the Admiralty Collegium's rights to forests on private lands. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 21–31. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.21-31>. (In Russian)

Постановка проблемы. После создания русского флота при Петре I отечественные леса отошли в ведение Адмиралтейств-коллегии: теперь они имели особую ценность, обусловленную новыми государственными интересами. В.В. Врангель связывает указанный момент с появлением инструкции обер-вальдмейстеру в 1722–1723 гг. [1, с. 14–15].

Согласно этому документу, была создана особая лесоохранная зона вокруг Волги, Оки, Западной Двины, Днепра и Дона и их притоков, а также озер – Ладожского и Ильмень, которая простиралась на 50 верст от крупных рек и на 20 – от малых. При Екатерине I лесоохранная зона была существенно сужена – до 15 верст от больших рек, однако при Анне Иоанновне она вновь расширилась до прежних размеров [1, с. 15, 21–23, 26].

Каким был правовой статус лесов, вошедших в охранную зону, после 1722 г.?

Деревья, годные для судостроения (дуб, вяз, ильм, ясень, сосна), стали заповедными, теперь их следовало использовать лишь в казенных целях. Ограничения были наложены и на деревья в частных владениях: хозяева земли не могли рубить их под страхом наказания. Адмиралтейские леса охранялись, а на заповедные деревья наносились клейма. Для их порубки требовалось разрешение от Адмиралтейств-коллегии [1, с. 11, 14–17, 20].

Как мы можем видеть из списка принятых мер, деревья фактически перешли в собственность государства.

Запрет на порубку заповедных деревьев создавал сложную правовую ситуацию для землевладельцев Поволжья, особенно накануне Генерального межевания, когда процесс формирования земельных владений еще окончательно не завершился [2, с. 192–199]. Ограничения, введенные согласно лесному законодательству, вносили путаницу в поземельные отношения, *«сталкивая на одном и том же пространстве земли различные права и противоположные интересы»* [2, с. 194–195], как замечает И.Е. Герман.

В Поволжье функционировало Казанское адмиралтейство, которое ведало заповедными лесами и специализировалось на заготовке и отправке лесоматериалов для нужд судостроения в Петербург [3, с. 166–167]. Интересы этого учреждения и нужды местных жителей переплетались довольно причудливо.

Возникали и другие, чисто местные сложности. Продолжался процесс освоения Поволжья: если Свияжский и Казанский уезды, присоединенные к Русскому государству первыми, были давно заселены, то колонизация земель Заволжья в XVIII в. все еще продолжалась. Население – как по национальному составу, так и по сословным категориям – отличалось большим разнообразием. Все вышеперечисленное существенно усложняло ситуацию с разграничением земельных владений [4, с. 166–169, 187–191].

К началу 60-х годов XVIII в. статус территории под заповедными деревьями был довольно неопределенным: они росли и на казенных, и на частных землях. Возникают следующие вопросы: какие правоотношения возникали при этом между Адмиралтейств-коллегией, которой подчинялось Казанское адмиралтейство, и собственниками земли и меняло ли наличие заповедных деревьев статус территории? Рассмотрим эти вопросы на основе материалов судебного конфликта между собственниками, произошедшего в Свияжском уезде.

Начало конфликта. Причиной конфликта между Свияжским Троицко-Сергиевым монастырем и помещицей Елизаветой Касперовной Назимовой стала порубка леса в ее владениях. Монастырь предъявил свои права на лес, и решение вопроса было перенесено в суд. Помимо липняка, на спорной территории росли заповедные деревья, которые также попали под топор порубщиков, что обусловило необходимость участия в деле представителей Казанского адмиралтейства (I, л. 1–1 об.; II, л. 2–2 об.).

Особую остроту конфликту придавала активная ремесленная деятельность монастырских крестьян, которые обдирали стволы лип, делали мочальники (так называли древесную кору, связанную в форме плотов [5, с. 95]) и, следовательно, эксплуатировали лесные дачи сильнее, чем если бы использовали их только для своих личных нужд (I, л. 1–1 об.; II, л. 2–2 об.).

К сожалению, в судебных делах не указано, что изготовляли ответчики. Вероятно, местные крестьяне драли лыко, делали рогожи и мочало на продажу. Это были очень распространенные в Среднем Поволжье промыслы [5, с. 95].

Хронологические и территориальные рамки. Территориально мы ограничимся Свияжским уездом, где имели владения обе тяжущиеся стороны, а хронологически – периодом с 1761 по 1780 г., когда шли судебные тяжбы.

Источниковая база. Основными архивными источниками в настоящем исследовании являются три дела, заведенные в связи с конфликтом между Е.К. Назимовой и монастырскими крестьянами, которые сейчас хранятся в Российском государственном архиве древних актов:

1) *По челобитью служителя жены флотского капитана Елизаветы Кашиперовны Назимовой деревни Кичкеев Починок Афанасия Захарова о порубке леса липняка в дачах Назимо-*

вой неизвестными людьми (1761 – по описи; в действительности крайние даты дела: 8 июня 1761 – 27 сентября 1762 гг.) (I);

2) По челобитью жены капитана Елизаветы Кашперовны Назимовой о спорных лесных дачах с крестьянами вотчины Свяжского Троицко-Сергиева монастыря (1761 – по описи; в действительности крайние даты дела: 2 октября 1761 – 9 декабря 1763 гг.) (II);

3) По указу эконо-коллегии, при котором прислано по просьбе помещицы Назимовой разбиравшееся ранее в суде дело о спорных лесных дачах (1765 – по описи; в действительности крайние даты дела: 1764–1780 гг.) (III).

В первое дело входят челобитная приказчика А. Захарова, представлявшего интересы Е.К. Назимовой, материалы допросов, инструкции должностным лицам, опись порубленных заповедных деревьев, составленная И. Киприяновым, документы об отдаче спорных мочальников под надзор, а также решение (I).

В состав второго дела вошли челобитная Е.К. Назимовой, копии документов на собственность, предоставленных обеими сторонами, план спорных владений, инструкции должностным лицам, материалы повального обыска, судебных заседаний и принятое решение (II).

Третье дело состоит из комплекта указов коллегии экономии премьер-майору А. Голицыну, который должен был представлять интересы монастырских крестьян, и записки о передаче документации (III).

Работа с указанными материалами даст нам возможность изучить сложное пересечение интересов частных владельцев и государства и прояснить вопрос о том, что же на самом деле принадлежало Казанскому адмиралтейству.

Прежде чем рассматривать дело, ознакомимся с тем, что представляли собой стороны конфликта.

Истица Е.К. Назимова. Пострадавшей стороной была помещица Елизавета Касперовна Назимова. Во время описываемых событий она была замужем за капитаном третьего ранга Саввой Максимовичем Назимовым, одним из членов комиссии А.И. Свечина, проводившей в 1763–1765 гг. ревизию Казанского адмиралтейства. Впоследствии ее муж дослужился до чина вице-адмирала. С.П. Саначин отмечает, что С.М. Назимов владел в Казани двумя домами [6, с. 280–281; 7, с. 16–18].

Для Елизаветы Касперовны брак с С.М. Назимовым был вторым, до этого она была замужем за капитан-командором Алексеем Трофимовичем Баранчевым (II, л. 97–98 об.).

А.Т. Баранчев был существенно старше С.М. Назимова (первый начинает службу драгуном в 1700 г., второй – учеником Морской академии в 1736 г.). Впервые А.Т. Баранчев оказывается в Казани в 1732 г., когда его командировали туда контролировать заготовку корабельного леса. В 1741 г. его назначают обер-комиссаром при Казанском адмиралтействе. Спустя десять лет его пожалуют чином капитан-командора «с оставлением при том же адмиралтействе» [6, с. 29]. А.Т. Баранчев скончался 16 августа 1758 г. [6, с. 28–29, 279]

За время первого брака Елизаветой Касперовной был совершен ряд покупок недвижимого имущества в Свяжском уезде, в том числе приобретена деревня Кичкеево (также называлась Кичкеев (или Алексеев) починок), о чем подробнее будет идти речь ниже (I, л. 95 об., 96, 97–99 об.).

Как мы видим, истица была человеком весьма деятельным: она приобретает новые владения, участвует в судебных тяжбах, а после смерти второго мужа построит храм в память о нем [7, с. 16].

Свияжский Троицко-Сергиев монастырь как ответчик. Монастырь появился одним из первых на территории бывшего Казанского ханства в качестве приписного к Троицкому. С.М. Каштанов полагал, что первые земли и угодья – в том числе и в сельской местности – обитель получила от Ивана Грозного в 1552–1554 гг. [8, с. 166]. С самого начала своего существования она принимает активное участие в колонизации края, не испытывая недостатка в новопоселенцах, поскольку по царским грамотам 70-х годов XVI в. жители монастырских вотчин были освобождены от налогов. По мнению М.С. Черкасовой, больше всего владений монастырь приобрел в середине XVII в. [9, с. 126–127].

Конфликт между монастырскими крестьянами и Е.К. Назимовой происходил накануне секуляризации церковных земель. В 1764 г. Троицко-Свияжский монастырь прекратит свое существование, а его имущество перейдет под управление коллегии экономии [10, с. 38–39].

Первое дело. 5 июня 1761 г. приказчик Е.К. Назимовой Афанасий Захаров поймал порубщиков. Это были трое монастырских крестьян: Симон Якимов из с. Ульяновка и Василий Токарев из с. Подберезья, которые ездили за мочальниками, а также Архип Башкирев из д. Корнауховой, отправившийся за баклушами для ложек (А. Захаров утверждал, что мочальники были найдены и у него). Двое из них были избиты при поимке (I, л. 4–6 об., 36 об., 37–39).

Впоследствии А. Захаров утверждал, что при С. Якимове было *«наложено на колеса заповедное дубовое круглое дерево с съемными мочальники»* (I, л. 37), однако местный лесной сотник никаких бревен при них не заметил. Сами ответчики утверждали, что это была старая дубовая плаха, которую они впервые увидели лишь на следующее утро (I, л. 39 об., 44 об.). В решении по делу указано, что улика представляла собой *«молодой дуб, длиною двух аршин трех четвертей, толщиною в трубе четырех вершков»* (I, л. 44).

Далее ответчиков держали под караулом в имении, а затем повезли в город. Нарушители вместе с уликой 8 июня были доставлены в Свияжскую провинциальную канцелярию. Там по челобитной А. Захарова было заведено дело (I, л. 1–1 об., 44–44 об.).

Цель первой челобитной не была вполне четко сформулирована. Очевидно, представитель Е.К. Назимовой на этом этапе был намерен добиться лишь приостановки хозяйственной деятельности монастырских крестьян в лесных дачах (I, л. 1 об.).

Осмотром места порубки сначала занимался канцелярист М. Иконников. Он зафиксировал факт порубки заповедного леса и съема мочальников и оценил нанесенный ущерб. 20 июня он передал под надзор приказчика А. Захарова и старост монастырских крестьян мочальники в двух озерах, трех прудах и р. Шиланде. Их владельцами были крестьяне сел Ульяновка и Подберезья. Мочальников было так много, что вынуть их из воды не представлялось возможным (I, л. 13, 19–21 об.).

В дальнейшем этим вопросом занимался унтер-форстмейстер И. Киприянов с помощниками. Ими в сентябре 1761 г. был проведен осмотр у монастырских крестьян, а также во владениях Е.К. Назимовой, чтобы найти порубленный заповедный лес, но он не дал особых результатов (I, л. 33–34 об.).

Согласно описи И. Киприянова, было срублено 5 годных и 15 негодных дубов, 1 годный и 1 негодный вяз, 4 годных и 24 негодных ильма. Из 50 деревьев лишь 10 были пригодны для нужд судостроения. Остальные оказались покрыты красными и белыми *«ситовыми»* полосами или были трухлявыми (I, л. 35–36 об.).

Как мы видим, ущерб, нанесенный неизвестными порубщиками, был невелик. Тем не менее им, согласно инструкции от 11 мая 1732 г., грозил штраф как минимум в 500 руб.

(за первую порубку – в 10 руб. за пень), поскольку закон не делал разницы между рубкой без разрешения годных и негодных деревьев (IV, с. 807–808).

Кто отвечал за охрану заповедных лесов в районе р. Кубни? Казанская адмиралтейская контора поручила ее старосте, десятникам с. Ульяновка и приказчику Е.К. Назимовой «с росписью» (I, л. 46–46 об.). В случае недонесения о порубке их должны были оштрафовать (IV, с. 804).

После того как было заведено дело, А. Захаров написал доношение в Казанскую адмиралтейскую контору, с которым мы можем ознакомиться лишь в цитатах: контора отправила промеморию в Свияжскую провинциальную канцелярию, чтобы выяснить вопрос (I, л. 22–24 об.).

В доношении появляется указание на то, что монастырские крестьяне «раскладывают огни» (I, л. 22) и есть риск пожара. Также А. Захаров обвиняет ответчиков в уничтожении улик: чтобы не платить штрафа, они выкапывают или сжигают пни срубленных дубов. Кроме того, он намекает на «страх смертного убийства» (I, л. 22 об.).

Объективно порубщиками заповедного леса могли быть и посторонние люди: рядом находилась проезжая дорога, также зимой мимо этих мест вывозили корабельный лес, что расширяет круг подозреваемых (I, л. 34 об.).

Решение суда было вынесено 27 сентября 1762 г. Дело было закрыто за отсутствием доказательств против ответчиков (I, л. 46 об.).

Отметим, что в упомянутом конфликте Казанское адмиралтейство заняло пассивную позицию. Несмотря на сообщения об угрозе лесного пожара из-за нарушений законодательства, ведомство не пыталось повлиять на местные судебные власти, чтобы запретить въезд в лес возможным нарушителям.

Второе дело. Поскольку во время первого судебного разбирательства вопросу о защите собственности Е.К. Назимовой уделялось мало внимания и монастырские крестьяне по-прежнему продолжали въезжать в спорный лес, помещица 2 октября 1761 г. вновь подавала челобитную (II, л. 2–2 об.).

Она преследовала следующие цели: 1) получить компенсацию за порубленный лес; 2) забрать себе мочальники монастырских крестьян; 3) обязать их подпиской не въезжать в спорные дачи, «дабы от въезду их не последовало порубки и вреда заповедному лесу» (II, л. 2 об.).

4 октября Свияжской провинциальной канцелярией было решено вызвать представителей монастырских крестьян на суд (II, л. 313 об.).

В этот же день А. Захаров вместе со свидетелями из других жительство ездил в спорный лес, где застал монастырских крестьян, которые пытались вывезти мочальники. Ему удалось поймать лишь трех нарушителей, которые показали, что действовали по приказанию строителя монастыря и стряпчего И. Моисеева. Так был зафиксирован факт нарушения от ответчиками подписки (II, л. 323 об.–324).

16 октября 1761 г. ответчики были «обязаны поручною записью» не уезжать из Свияжска до вынесения решения по делу (II, л. 314). Примерно в это же время монастырские крестьяне просили уладить их спор с челобитчицей так, чтобы «возможно было хотя в оставшуюся малую им часть въезжать, ибо же они пропитание себе имеют более от мочальников» или же дать им возможность выкупить сырье, послужившее одним из предметов спора (II, л. 371 об.).

Вероятно, крестьяне, терпевшие немалый ущерб от четырехмесячных судебных разбирательств, решили, что лучше договориться полюбовно, но это впоследствии им лишь повредило (II, л. 371 об.–372).

Далее суд перешел к рассмотрению вопроса о собственности: решение о снятии копий со всех документов на землю истца и ответчика было принято 20 декабря 1762 г. (II, л. 81–82 об.).

Что нам важно подчеркнуть при рассмотрении вопроса о принадлежности спорных лесных угодий? Здесь имел место конфликт более ранних и более поздних документов. Свяжский Троицко-Сергиев монастырь был одним из самых первых собственников в этих местах, а его права были оформлены уже во второй половине XVI в. Местность еще осваивалась, и в тексте документов ориентиры были указаны довольно скудно. Впоследствии монастырь не пытался произвести размежевание, хотя, как видно из работ М.С. Черкасовой, Троицкая корпорация обычно проявляла высокую активность в земельных делах. Возможно, причиной этого были постоянные набеги инородцев и просто разбой, что делало нежелательными конфликты с местными помещиками [9, с. 25, 33, 125–127; 11, с. 333–339].

Монастырь предоставил суду ряд документов в качестве доказательства права собственности. Основным из них можно считать жалованную тарханно-несудимую грамоту Ивана IV от 22 января 1575 г., список с которой, сделанный в конце 1762 или начале 1763 г., есть в деле (II, л. 84–87 об.).

Текст оригинала этой грамоты публиковался С.М. Каштановым в 1978 г. Подлинник грамоты хранится в РГАДА (V), также ученым упоминаются шесть списков, сделанных в период с начала 80-х годов XVI в. по 20-е годы XIX в. Копия из второго дела Е.К. Назимовой им не зафиксирована [12, с. 136–142].

Владения монастыря, перечисленные в грамоте 1575 г., были разбросаны по всему Свяжскому уезду: несуществующие теперь сельцо Городище и починок Новой, видимо, находились примерно в 27 верстах от Свяжска, починок Притыкин превратился в д. Кузёмкину (исчезла), Киждеево – в с. Кильдеево, починок Ключов – в с. Федяево (оба сейчас – в Верхнеуслонском районе РТ), а интересующее нас с. Ульяновско с тянущими к нему поселениями – в Кайбицком районе [8, с. 191; 11, с. 8, 17–18, 59]. В документе нет четких указаний на границы монастырской земли (II, л. 84–87 об., 369 об.).

Кроме того, монастырь предъявил *«Список с писцовых книг свияжским троецким вотчинам»* 1648/1649 гг. и материалы переписи писцов И.А. Фронзбекова и Ф.С. Чемесова, проведенной в то же время (II, л. 88–89 об.).

В первом документе лесные угодья не упоминаются (II, л. 88 об.), зато в переписи мы видим следующее указание: *«...а черной дикой лес по обе стороны реки Берли к приселку Ульяновско и к деревню и к починку с татары служили и с ясачными починка Кулаева да деревни Чечкап да деревни Мамадыш Теникчев нераздельною и не разграничена»* (II, л. 89 об.).

Никаких других, более поздних, документов монастырь суду не предоставил.

Назимовские документы на собственность можно поделить на две группы: 1) документы, оформлявшие право собственности Е.К. Назимовой на землю и крестьян, и 2) более ранние документы на Кичкеево, переданные продавцом А.И. Товарыщевым.

Первую группу составляют купчие на землю в с. Петропавловском, или в Слободе, и в Морукваших (1754, приобретено у Н.А. Молостова), на землю в с. Введенском, или в Басурманской слободе (1755, куплено у А.И. Натальиной и М.И. Далакиной), на землю и крестьян Кичкеева починка, заключенные с А.И. Товарыщевым (1756); на землю там же, приобретенную у И.Ф. Дряблова (1757); прошение истицы укрепить за ней купленные земли (1757); ряд справок из Вотчинной коллегии и ее архива (1757) и др. Часть этих документов не имеет никакого отношения к разбиравшемуся делу (II, л. 95–99 об., 109–116, 120 об–134 об.).

Ко второй группе относятся жалованная грамота А.И. Товарыщеву (1669), ввозная грамота, данная его сыновьям, А.А., И.А. и П.А. Товарыщевым (1682), выпись из отказных книг, данная И.А. Товарыщеву (1698) (II, л. 90–94).

Окружная выпись 1699 г., где были указаны урочища, по которым проходили границы владений Товарыщевых, Е.К. Назимовой при продаже передана не была. Впоследствии истица затребовала его у продавца и, по-видимому, получила, но в деле нет копии с нее (II, л. 82, 320), хотя в решении и указывается, что она была дана *«ис Казанского дворца и за скрепою дьяка Молчанова»* (II, л. 369 об.).

Кичкеев починок был приобретен у Крестниковых Афанасием Ивановичем Товарыщевым не позднее 1669 г. Далее имение передавалось по наследству внутри рода Товарыщевых, пока не досталось поручику Астраханского драгунского полка Алексею Ильичу Товарыщеву, который продал это имение с крестьянами Е.К. Назимовой 6 июля 1756 г. (II, л. 90–94, 95–96 об., 109–111 об., 316 об.–318)

Также Е.К. Назимова купила пашенную землю в Кичкееве у содержателя казанской суконной фабрики Ивана Федоровича Дряблова 24 января 1757 г. К нему эта земля перешла от отца (II, л. 111 об.–113, 317), которому в свою очередь *«досталась... по закладной казанского архиерея бывшего секретаря Ивана Семенова сына Богданова»* (II, л. 112).

Для нас важно, что ни в одной из этих купчих не сообщалось, что на продаваемой земле растут заповедные деревья (II, л. 95–96 об., 109 об.–113).

Помимо Е.К. Назимовой, недвижимую собственность в д. Кичкеево имели подпоручик А.Н. Ифлант, которому принадлежал помещичий двор, и М. Товарыщева, получившая долю, когда овдовела (как отмечал суд, она *«в лес въезд имеет с челобитчицею в обще, а не раздельно»* (II, л. 317 об.)). Претензий к монастырю М. Товарыщева в судебном порядке не выдвигала (II, л. 110, 317 об.).

Хотя на спорной территории росли заповедные деревья, принадлежавшие Казанскому адмиралтейству, ведомство не участвовало в рассмотрении вопроса о собственности. При чтении документов создается впечатление, что сообщать о смене собственника земли с подобным обременением в Казанское адмиралтейство было вовсе не обязательно.

Изучив документы на собственность, предоставленные обеими сторонами суду, перейдем к собственно ходу рассмотрения дела.

Хотя это противоречило фактам, И. Моисеев отрицал, что монастырские владения граничат с помещичьими землями, ссылаясь на грамоту 1575 г., по которой лесные дачи были в общем владении с татарами и чувашами (II, л. 314–314 об., 316 об.–317 об.).

Существенной проблемой стало не только отсутствие в монастырских документах описания границ спорного леса, но и незнание участниками процесса географических названий, упоминавшихся в грамоте 1575 г. (II, л. 85, 314–315 об., 326)

Информация о спорных угодьях приводилась в грамоте 1575 г. следующим образом: *«Деревня Агишево на речке на Берли... а лес не в разделе с татарами и с чувашею. Починок Ключов на речке на Олчегире...»* [12, с. 138] (II, л. 85), что наводило участников процесса на мысль о близости этих объектов. Поверенный истицы предполагал, что починок Ключов находился в районе реки Берли, а И. Моисеев – что починок *«впусте»* лежит в спорном лесу и что назимовская мельница находится в устье реки Олчегир, которая теперь называется Гремячий Ключ (II, л. 326 об.).

На самом деле, бывший починок Ключов (д. Федяево) находился примерно в 40 км от спорного леса. С.М. Каштанов полагал, что Олчегир мог быть р. Чингиркой, протекающей неподалеку от сел Кильдеево и Федяево [8, с. 191; 11, с. 17–18].

И. Моисеев оспаривал отказ Е.К. Назимовой, оформленный в 1757 г., так как не были взяты сказки об отсутствии земельных споров и ответчики об этом отказе *«и совсем были неведомы»* (II, л. 326 об.). В отказной книге были лишь рукоприкладства жителей Введенской слободы и г. Свияжска, при этом Свияжск и Кичкеево разделяло расстояние более 80 верст. Он утверждал, что это было сделано намеренно, чтобы захватить чужие дачи (II, л. 326 об.–327).

Решение по делу было принято 9 декабря 1763 г. Лесные угодья остались за Е.К. Назимовой. Суд указал, что границы нынешних владений истицы были установлены, когда за собой укрепляли земли Товарыщевы, при этом проводился повальный обыск, и именно тогда монастырю нужно было подавать челобитье (II, л. 369–369 об.).

Хотя у монастыря документы на собственность были более старые, чем у Е.К. Назимовой, это не имело теперь никакого значения, поскольку, согласно Писцовому наказу 1683 г., необходимо было владения *«писать, мереть и межевать»* (II, л. 369 об.), чего сделано не было; кроме того, «Список» не был заверен писцом. Показания стряпчего И. Моисеева об урочищах были признаны не соответствующими реальному положению дел (II, л. 369–369 об., 372 об.).

Отказ 1757 г. был признан недействительным, однако дачи, несмотря на это, остались за истицей по выписи 1699 г., где были указаны урочища (в деле отсутствует), *«и по предписанным выше сего обстоятельствам крепки челобитчице ж»* (II, л. 317, 372 об.). Кроме того, все свидетели показали, что лес сначала принадлежал И. Товарыщеву, а затем челобитчице, что было также учтено судом (II, л. 369 об., 372 об.).

Крестьяне должны были заплатить Е.К. Назимовой за порубленный на мочальники лес требуемые ею 306 руб., причем их попытка договориться с его владелицей и нарушение подписки сыграли против них. В решении нет указаний, кому в итоге достались спорные мочальники, но, вероятнее всего, самой Е.К. Назимовой как собственнице (II, л. 371 об. –372, 373).

Хотя И. Моисеев отрицал факт разведения ответчиками огня в лесу, на суде выяснилось, что монастырские крестьяне не потушили костры в день, когда приказчик помещицы поймал их за выниманием мочальников. Однако суд освободил ответственных за охрану леса лиц от наказания, отметив, что на тот момент ответчики еще находились в лесу (II, л. 327, 373).

В 1764 г. монастырь был упразднен, а все его владения переданы в коллегию экономии. Однако ответчики продолжали судиться, поскольку они лишились леса и не могли выплатить взыскиваемую с них сумму. Они утверждали, что проиграли суд из-за кумовства Е.К. Назимовой с местными и казанскими властями. Дело было передано на перерассмотрение (III, л. 1–2, 8, 9 об., 10 об.) [10, с. 38–39].

Окончательное решение, к сожалению, остается неизвестным. В третьем деле вшит лист, где отмечено, что в 1780 г. некое дело на 140 листах о спорных лесах, по которому судились экономические крестьяне и Е.К. Назимова, было передано свияжскому экономическому казначею, секунд-майору Мицкому. Но эти документы не были нами обнаружены в фондах РГАДА (III, л. 15).

Заключение. На примере приведенной цепочки судебных дел мы видим, что Казанское адмиралтейство интересовалось лишь вопросом сохранности заповедных деревьев, не пытаясь предъявить свои права на владельческую землю с подобным обременением. Частная земля с заповедными деревьями не имела особого статуса, что отражают и купчие, где этот

вопрос не затрагивается. Тем не менее наличие подобного обременения накладывало ограничения на возможности владельца использовать свое имущество.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- I – Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 441. Оп. 1. Д. 262: По челобитью служителя жены флотского капитана Елизаветы Кашперовны Назимовой деревни Кичкеев Починок Афанасия Захарова о порубке леса липняка в дачах Назимовой неизвестными людьми. 1761 г. 50 л.
- II – РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 263: По челобитью жены капитана Елизаветы Кашперовны Назимовой о спорных лесных дачах с крестьянами вотчины Свяжского Троицко-Сергиева монастыря. 1761 г. 374 л.
- III – РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 362: По указу эконо-коллегии, при котором прислано по просьбе помещицы Назимовой разбиравшееся ранее в суде дело о спорных лесных дачах. 1765 г. 15 л.
- IV – Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]: в 45 т. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 8: 1728–1732. [1], 1018 с.
- V – РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7168: Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю об освобождении монастырских крестьян разных вотчин от ямских подвод и пода-тей. 22 января 1575 г. 2 л.

Литература

- 1. *Врангель В.В.* История лесного законодательства Российской империи: С присоединением очерка корабельных лесов России. СПб.: Привилег. тип. Фишера, 1841. 156 с.
- 2. *Герман И.Е.* История русского межевания. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1910. 302 с.
- 3. *Файзрахманов И.З.* История Казанского адмиралтейства (1718–1830 гг.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 262 с.
- 4. *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.
- 5. *Ромашкин А.С.* Важнейшие виды деревообрабатывающих промыслов Среднего Присурья во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. Мордов. ун-та. 2012. № 3/4. С. 95–98.
- 6. *Общий морской список: в 14 ч.* СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. Ч. 2. От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. 528 с.
- 7. *Саначин С.П.* Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 287 с.
- 8. *Каишанов С.М.* Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI века (по актовому материалу) // Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та. 1970. Вып. 80. С. 164–203.
- 9. *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М.: Древлехранилище, 2004. 395 с.
- 10. *Яблоков А.П.* Город Свяжск Казанской губернии и его святыни. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1907. 212 с.
- 11. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. 400 с.
- 12. *Каишанов С.М.* К истории феодального землевладения в Свяжском уезде в 70-х годах XVI в. (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.) // Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та. 1978. Вып. 184. С. 132–142.

References

1. Wrangel V.V. *Istoriya lesnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii: S prisoedineniem ocherka korabel'nykh lesov Rossii* [The History of Forest Legislation in the Russian Empire: With an Appendix on Russia's Forests with Shipbuilding Timber]. St. Petersburg, Privileg. Tip. Fishera, 1841. 156 p. (In Russian)
2. Hermann I.E. *Istoriya russkogo mezhevaniya* [A History of Russian Land Surveying]. Moscow, Tipo-Lit. V. Richter, 1910. 302 p. (In Russian)
3. Faizrakhmanov I.Z. *Istoriya Kazanskogo admiralteistva (1718–1830 gg.)* [A History of the Kazan Admiralty (1718–1830)]. Kazan, Inst. Ist. im. Sh. Mardzhani Akad. Nauk RT, 2014. 262 p. (In Russian)
4. Lyubavsky M.K. *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiei* [Historical Geography of Russia amid Colonization]. St. Petersburg, Lan', 2000. 304 p. (In Russian)
5. Romashkin A.S. The major types of woodworking industries in the Middle Prisyurje in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Vestnik Mordovskogo Universiteta*, 2012, no. 3/4, pp. 95–98. (In Russian)
6. *Obshchii morskoi spisok* [The General Marine List]. Pt. 2: From the death of Peter the Great to the ascension of Catherine II to the throne. St. Petersburg, Tip. V. Demakova, 1885. 528 p. (In Russian)
7. Sanachin S.P. *Ekspeditsiya senatskoi Komissii Aleksandra Svechina v Kazanskoe admiralteistvo 1763–1765 godov i ee posledstviya* [The Expedition of Alexander Svechin's Senate Commission to the Kazan Admiralty in 1763–1765 and Its Results]. Kazan, Inst. Ist. im. Sh. Mardzhani Akad. Nauk RT, 2018. 287 p. (In Russian)
8. Kashtanov S. M. The land-ownership immunity policy of Russian government in the Kazan region during the 1550s (based on the acts materials). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta*, 1970, no. 80, pp. 164–203. (In Russian)
9. Cherkasova M.S. *Krupnaya feodal'naya votchina v Rossii kontsa XVI–XVII vekov (po arkhivu Troitse-Sergievoi Lavry)* [A Major Feudal Estate in Russia from the Late 16th to 17th Century (Based on the Trinity Lavra of St. Sergius Archives)]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2004. 395 p. (In Russian)
10. Yablokov A.P. *Gorod Sviyazhsk Kazanskoi gubernii i ego svyatyni* [The Town of Sviyazhsk in the Kazan Governorate and Its Relics]. Kazan, Tipo-Lit. Univ., 1907. 212 p. (In Russian)
11. Peretyatkov G.I. *Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka: (Ocherki iz istorii kolonizatsii kraia)* [The Volga Region from the 17th to the Early 18th Century: (Essays from the History of the Region Colonization)]. Odessa, Tip. P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. 400 p. (In Russian)
12. Kashtanov S.M. On the history of feudal tenure in the Sviyazhsk Uezd during the 1570s (Charters of 1572 and 1575). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta*, 1978, no. 184, pp. 132–142. (In Russian)

Информация об авторах

Пронченко Мария Алексеевна, соискатель кафедры истории России до начала XIX в., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: pron4enko.masha2016@yandex.ru

Author Information

Maria A. Pronchenko, Applicant, Department of Russian History before the 19th Century, Moscow State University

E-mail: pron4enko.masha2016@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.07.2024

Принята к публикации 10.10.2024

Received July 10, 2024

Accepted October 10, 2024